

PHILOSOPHICAL SCIENCES

ФІЛОСОФСЬКІ НАУКИ

DOI: 10.15421/272101

УДК 930.8

В. И. Оноприенко

*ГУ «Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки
им. Г. М. Доброва НАН Украины», г. Киев, Украина*

АЛЕКСАНДРА КОЛЛОНТАЙ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ФЕМИНИЗМА

E-mail: valonopr@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0761-4075>

Аннотация. Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – российская революционерка, советский государственный деятель и дипломат, политический социолог рабочего движения России и Европы, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Норвегии, Мексике, Швеции. Её считают автором марксистской версии феминизма. Цель статьи – определить место и эволюцию марксистского феминизма в дискурсе XX – начала XXI вв., который поступательно развивался вместе с женским движением в мире. Одновременно усовершенствовалась, дифференцировалась и рационализировалась методология и аргументация феминизма, прогрессировали гендерные исследования. Использованы материалы и источники по истории и современному состоянию феминизма и гендерных исследований в мире. Статья может быть полезной всем, кто интересуется конструированием современной политики.

Ключевые слова: феминизм и его разновидности, гендерные исследования, патриархат, структурные иерархии общества.

V. I. Onoprienko

*G. M. Dobrov Institute for Research on Scientific and Technical Potential and History of
Science named after National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine*

ALEXANDRA KOLLONTAI IN THE DISCOURSE OF CONTEMPORARY FEMINISM

Abstract. Alexandra Mikhailovna Kollontai – Russian revolutionary, Soviet statesman and diplomat, political sociologist of the labor movement in Russia and Europe, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to Norway, Mexico, and Sweden. She is considered the author of the Marxist version of feminism. The purpose of the article is to determine the place and evolution of Marxist feminism in the discourse of the XX – early XXI centuries, which progressively developed along with the women's movement in the world. At the same time, the methodology and argumentation of feminism was improved, differentiated and rationalized, and gender studies were progressing. Used materials sources on the history and current state of feminism and gender studies in Russia and the world. The article can be useful to anyone interested in the construction of modern politics. Modern feminism is an effective means of transforming society under the banner of freedom. Real democracy, the mechanisms of civil

society have experienced a powerful impact of feminism. Marxist feminism, having significantly transformed, entered the modern foundation of the humanities as a radical form of feminism.

Keywords: feminism and its varieties, gender studies, patriarchy, structural hierarchies of society.

Александра Домонтович
в юности

Введение. Александра родилась в Петербурге в обеспеченной дворянской семье. Её отец генерал Михаил Домонтович принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Александра получила разностороннее домашнее образование. С детства владела многими европейскими языками (английским, немецким, французским, шведским, норвежским, финским и др.), интересовалась литературой, брала частные уроки рисования. Обладала сильным характером и развитым самосознанием. Была введена в великосветское общество. Вышла замуж за выпускника Военно-инженерной академии, офицера Владимира Коллонтай (1893). Через пять лет она оставила мужа и сына, чтобы участвовать в революционном движении.

В 1898 г. уехала в Швейцарию, где поступила в Цюрихский университет к профессору политэкономии Г. Геркнеру. По совету профессора в 1899 г. отправилась в Англию изучать английское рабочее движение. В 1899 г. возвратилась в Россию. В 1901 г. вновь отправилась за границу, в Женеве познакомилась с Георгием Плехановым.

Во время Первой русской революции Коллонтай инициировала создание «Общества взаимопомощи работницам». После поражения революции эмигрировала в 1908 г., так как против неё были выдвинуты обвинения в призыве к вооружённому восстанию в брошюре «Финляндия и социализм». Посетила ряд стран Европы (Бельгию, Великобританию, Германию, Данию, Норвегию, Францию, Швейцарию, Швецию), где налаживала связи с местным социал-демократическим и суфражистским движениями, принимая в них активное участие. Дважды посещала США. Делегировалась РСДРП на международные социалистические конгрессы в Штутгарте (1907), Копенгагене (1910) и Базеле (1912).

В странствиях по Европе

После начала Первой мировой войны с помощью Карла Либкнехта смогла выехать из Германии. Находясь в Швеции, отошла от меньшевиков и правого крыла европейской социал-демократии, поддержавшего войну. Осуждение империалистического характера войны сблизило Коллонтай с большевиками, к которым она окончательно присоединилась в 1915 г. Поселившись в Копенгагене, Коллонтай наладила тесную связь с В. И. Лениным и выполняла его специальные поручения, в частности, совершив две агитационные поездки по США.

В Россию вернулась после Февральской революции 1917 г., вскоре стала членом Исполкома Петроградского совета. Участвовала в работе 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б) 1917 года от большевистской военной организации, была в числе немногих делегатов, полностью поддержавших позиции Ленина, изложенные в «Апрельских тезисах». На I Всероссийском съезде Советов была избрана членом ЦИК от большевиков. В период «двоевластия» вела организованную агитацию в среде солдат и матросов, что повлекло за собой преследования Временного правительства. Возвращаясь с совещания левого антивоенного Циммервальдского объединения в Стокгольме в июле 1917 г., Коллонтай была арестована по приказу Временного правительства. Содержалась в Выборгской женской тюрьме, была освобождена под денежный залог, внесённый писателем Максимом Горьким и инженером

Леонидом Красиным. Всё ещё пребывая под арестом, на VI съезде РСДРП(б) в 1917 году заочно избрана одним из почётных председателей съезда и членом ЦК партии.

Принимала участие в заседании ЦК РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 года, принявшем решение о вооружённом восстании, и в проведении Октябрьского восстания в Петрограде. Член президиума, проводившегося параллельно II съезда Советов (25–26 октября 1917 года). После установления власти большевиков и левых эсеров избиралась во ВЦИК и 30 октября лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. При наркомате Коллонтай создала Отдел по охране материнства и младенчества и революции», Коллегию по охране и обеспечению материнства и младенчества. В марте 1918 года, стоя на позициях Н. И. Бухарина и «левых коммунистов», выступила против Брестского мирного договора и в знак протеста вышла из состава правительства. Во время Гражданской войны была направлена на Украину, где возглавила политотдел 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии, а затем наркомат агитации и пропаганды Крымской советской республики и политотдел Крымской армии.

Будучи наиболее заметной женщиной в советском руководстве, Коллонтай была инициатором создания и заведующей (с 1920 г.) женотделом ЦК РКП(б), целью которого была борьба за уравнивание в правах женщин и мужчин, борьба с неграмотностью среди женского населения, информирование о новых условиях труда и организации семьи. Женотдел был распущен в 1930 году. Одновременно с руководством Женотдела Коллонтай читала лекции в Университете имени Я. Свердлова и работала в секциях Коминтерна.

В марте 1921 года во время дискуссии о профсоюзах, развернувшейся после выступления Л. Д. Троцкого относительно необходимости расширения прав профсоюзов, А. М. Коллонтай совместно с А. Г. Шляпниковым возглавила «рабочую оппозицию». «Рабочая оппозиция» предлагала передать управление всем народным хозяйством Всероссийскому съезду производителей, объединённых в профсоюзы, считающиеся высшей формой организации рабочего класса. Программа «рабочей оппозиции» была представлена в выпущенной к X съезду РКП(б) брошюре Коллонтай «Рабочая оппозиция», осуждённой в ленинской резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». Несмотря на постановление X съезда партии о единстве партии, продолжала защищать идеи «рабочей оппозиции». После последнего предупреждения, вынесенного на XI съезде РКП(б) в 1922 г., и окончательного разгрома группы, Коллонтай была вынуждена отказаться от платформы «рабочей оппозиции». Резкое ухудшение отношений с Лениным явилось тяжёлым ударом для неё.

С 1922 г. находилась на дипломатической работе. Перенесла два инсульта – в августе 1942 и в 1945 гг. и была частично парализована. В марте 1945 г. вернулась в Москву и в июле оставила должность посла, продолжая исполнять обязанности советника МИД СССР, занялась мемуарным творчеством. Скончалась 9 марта 1952 г. от инфаркта, который случился во сне. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

Цель статьи – выявление смысловой основы проекта марксистского феминизма, предложенного А. М. Коллонтай. Сделать это можно именно в рамках *дискурса*, выявления и сравнения понятийной основы в системе современного феминизма.

«Валькирия русской революции»

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Проект марксистского феминизма А. М. Коллонтай. К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили специальных работ по решению женского неравенства. Тематика эмансипации женщин актуализировалась к концу XIX века. В 1883 г. опубликована

работа А. Бебеля «Женщина и социализм», в которой автор, в развитие идей К. Маркса, видел эмансипацию женщин в освобождении от буржуазной собственности, «рабства в семье» и присоединении к борьбе пролетариата. Но, в отличие от русских марксистов, он соглашался с тем, что существует специфика эксплуатации женщин. Женщина эксплуатируется и как женщина, и как работница, – утверждал А. Бебель. Поэтому признавал наличие общих проблем и интересов у женщин разных классов и находил разумными доводы феминисток. Например, о двойной сексуальной морали как внеэкономической формы угнетения. Бебель придерживался того мнения, что феминистки и работницы могут «маршировать отдельно, но сражаться вместе», то есть могут сотрудничать в решении некоторых женских проблем. Коллонтай была знакома с Бебелем и его книгой. С тех пор мысль Бебеля о двойной эксплуатации женщин глубоко у неё укоренилась, в разрез с мнением её однопартийцев.

В среде российской социал-демократии теоретического осмысления проблем женщин как отличной от пролетариата социальной группы не было. В попытках осмыслить женскую проблематику были очень сильны жесткие догматические установки. Российские социалисты обозначили эту проблематику как «женский вопрос», то есть один из множества социальных вопросов, нуждающихся в решении наряду с другими, но ни в коем случае не базовый вопрос. Такой подход был актуальным для русского феминизма.

«Женский вопрос» в российской социал-демократии разрабатывали Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай. Коллонтай первая обратила внимание на специфические проблемы работниц. Опасения, что пропагандистская и деятельностная активность феминисток увлечёт работниц в феминистское движение и они будут потеряны для пролетарского движения, была не раз озвучена в её статьях.

А. М. Коллонтай. У истоков марксистского феминизма

Поэтому Александра Михайловна предприняла попытку организовать работниц, создать женское пролетарское движение на основе марксистской идеологии. Её активность, как и сам факт аналитической работы над женской темой, вызвал непонимание со стороны товарищей по партии и даже обвинение в «буржуазном феминизме».

Коллонтай вступила в диалог с активно развивающейся в России феминистской мыслью и вынужденно искала ответы на поставленные феминистками вопросы [9].

Вопрос о том, что есть основа социальной иерархии в обществе – классовое или гендерное неравенство, для неё не стоял. В марксизме главной угнетающей силой определялся капитализм и институт частной собственности, а изменение положения женщины напрямую связывалось с изменением положения рабочего класса и социального строя. В таком ключе написана брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница» (1901).

Ответ на второй актуальный вопрос для российских феминисток: каким образом можно достичь равенства женщин и мужчин (или «проблема схождения-различия») – определялся марксистами и Коллонтай тоже однозначно – через достижение «схождения». Это подтверждается тем фактом, что при разработке экономического обоснования «женского вопроса» путем экстраполяции положения пролетария в структуре общества на положение женщины привело к забвению марксизмом таких «немужских» функций женщины, как воспроизводство человека и поддержание домашней сферы. Нужно заметить, что российские феминистки увидели этот пробел и поставили его в свою повестку дня. Теоретический отдел Московского отделения Лиги равноправия женщин изучал и разрабатывал тему женского домашнего труда. А. М. Коллонтай пришлось заняться этой темой практически после Октябрьской революции.

Установка на достижение «сходства» мужчин и женщин воплотилась в политике «социализации быта», в которой Коллонтай приняла деятельное участие как идеолог, политик и практик.

Третьей установкой социал-демократов в отношении «женского вопроса» было отрицание коллективной женской идентичности и практики создания женских организаций. Сепаратизм женских организаций был признан явлением буржуазным и вредным. Пролетаркам предлагалось вести борьбу за женское освобождение в рабочих организациях под руководством пролетариата. Самодеятельный и самостоятельный характер женского движения отрицался. А. М. Коллонтай активно поддерживала эту установку и приложила немало сил для ее реализации.

На этих положениях строилась идеология «женского рабочего движения», но не марксистского феминизма. Движение работниц должно было базироваться на признании женских проблем вторичными, на подчинении интересов работниц как социальной группы интересам пролетариата, на отрицании самодеятельности и самостоятельности женских организаций, на признании над собой партийного руководства и на отрицании феминизма. Идеология, выстроенная на такой базе, не могла стать ресурсом самостоятельного социального движения. Она не способствовала диалогу и поиску теоретического консенсуса между социал-демократками и «равноправками» – так себя называли российские феминистки.

Тактикой социал-демократов в отношении феминистского движения стала его дискредитация. Инициатива принадлежала А. М. Коллонтай. Главное её оружие – тезис о буржуазности движения. Термин «буржуазный феминизм» оказался политически очень успешным в борьбе с российскими равноправками. Этот термин ничего не объяснял и стал политическим ярлыком, который социал-демократы «навесили» на своих конкурентов в борьбе за «женские массы».

В 1908 году навстречу Первому Всероссийскому женскому съезду – крупнейшей феминистской акции, Коллонтай написала книгу «Социальные основы женского вопроса». Это была её первая работа по «женскому вопросу», но, скорее, агитационно-пропагандистского, а не доказательного характера. Коллонтай утверждала, что эмансипация пролетарки не может быть делом женщин всех классов, что цель эта может быть достигнута только общими усилиями пролетариата.

Её практическая деятельность была более успешна. Коллонтай создала Петербургский межфракционный клуб работниц под названием «Общество взаимопомощи работниц» (1907), организовывала митинги работниц в доме Нобеля (1907), подготовила группу работниц для участия в Первом Всероссийском женском съезде (1908). Это была попытка инициировать женское пролетарское движение «сверху» для достижения тактических и стратегических целей социал-демократической партии и рабочего движения. Самодеятельных организаций работниц ещё не было.

Коллонтай прямо заявляла, что женское рабочее движение находится в тени великой борьбы пролетариата. Это не была осознанная борьба за собственные права. Женское рабочее движение представлялось руководству РСДРП(б) как подсобный инструмент в деле достижения своих целей.

Женское пролетарское движение начало оформляться зимой–весной 1917 года, когда работницы предприняли первые самостоятельные акции. Идеология женского рабочего движения складывалась из стихийного соединения феминистских и марксистских идей, с опорой на поддержку феминистских и партийных организаций.

После октября 1917 года сложилась принципиально другая структура политических возможностей – реализация равноправия женщин была декларирована как государственная политика. Коллонтай вошла в первое советское правительство в качестве народного комиссара по государственному призрению, но уже как носительница феминистских идей, хотя и отрицала это. В этой новой политической ситуации пригодились многие наработки российских феминисток. Начиная с этого времени можно говорить о соединении феминистских и марксистских теоретических

установок и практик, и о появлении в России марксистского феминизма. Лидером его стала А. М. Коллонтай.

Недолгая деятельность Коллонтай на посту наркома вылилась в проведение профеминистской государственной политики, или политики государственного феминизма, то есть вопросы в отношении женщин ставились как приоритетные и государственные задачи. При Наркомате государственного призрения (с апреля 1918 года – Наркомат социального обеспечения) А. М. Коллонтай создала отдел по охране материнства и младенчества – Охранматмлад, коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества. В целом политика государства первых лет Советской власти была направлена на отказ от регулирования семейных отношений и контроля над женщиной. Отмена церковного брака, введение гражданского брака, зарегистрированного в органах местной администрации, равные права супругов, право женщины оставлять в браке свою фамилию, признание «законными» всех детей, право развод – все устанавливалось при самом непосредственном участии наркома А. М. Коллонтай.

А. М. Коллонтай в Совнаркоме

После ухода с поста наркома она сосредоточилась на теоретическом осмыслении «женского вопроса» в условиях победившей социалистической революции [5]. И сделала она это в развитие теории марксизма и феминизма. В работах этого периода она обратилась к нерешенным проблемам русского феминизма: сексуальные, репродуктивные права женщин, освобождение женщины от ига патриархальной семьи – право женщин на развод, на аборт,

на рождение ребенка вне брака (без социальных последствий). Она разработала эту группу прав по радикальному варианту, считая, что «в этой области было еще много лицемерия и несправедливости» [3]. Ее идеи о равноправном партнерстве в браке, о ценности сексуальных отношений в жизни женщины, о необязательности оформления брака, об освобождении женщин от быта, о делегировании материнских функций государству звучали очень радикально. Коллонтай сама признавала, что в вопросе новой сексуальной морали она была «самым радикальным крылом партии» и с ее идеями «горячо боролись многие товарищи по партии» (Там же).

Суть её проекта женского освобождения состояла в том, чтобы в ситуации революционной ломки буржуазного строя избавиться при непосредственном участии самих женщин одним махом от тех структур, которые поддерживали «половое» неравенство. Направить революционный порыв женских масс на освобождение от патриархальных структур и норм общества – буржуазной семьи, морали, привязанности женщины к мужчине и к семье. Единственной обязанностью женщины было рожать детей и вскармливать их до яслей.

Она продолжила реализацию своих идей на посту заведующей женотделом при ЦК РКПб. И оказалась между двух огней плохо совместимых теоретических подходов – марксизма и феминизма – и двух взаимоисключающих практик – советского и партийного строительства и попыток вписать в этот процесс женскую составляющую. С одной стороны, она поддерживала установку своей партии, согласно которой массовое вовлечение женщин в общественное производство обеспечит решение «женского вопроса», и шла по пути «реализации равноправия женщины как единицы народного хозяйства и как гражданки в политической сфере, но с особым условием: материнство как социальная функция» [7, с. 26]. Она призывала работниц и крестьянок отдать свой труд и употребить свои гражданские права на то, чтобы обеспечить в Советской России

полную победу коммунизма. И писала, что силы, здоровье женщин нужно беречь для коллектива, поэтому активно поддерживала политику обобществления быта, которая как направление партийной работы была принята на VIII съезде партии (1919).

С другой стороны, Коллонтай пришла к выводу, что изменений в социальной структуре общества недостаточно для изменения отношений между мужчиной и женщиной, что должны произойти личностные изменения в женщинах и мужчинах.

Коллонтай считала, что препятствием для женщины выступают культурные представления общества. Отсюда её вывод, что культурная революция для женщин не может ограничиться лишь преодолением неграмотности, что она связана со сложным процессом изменений их представлений о самих себе, о своих правах, своих возможностях и своей ответственности. Другими словами, она обогатила теорию культурной революции включением в нее элементов теории сексуальной революции, такими новыми для марксизма понятиями, как «психология пола», «половая мораль» [3].

Она считала, что женщине предстоит проделать большую работу над собой, чтобы получить свои права, и для того ей нужно отказаться от «типичных женских качеств», т. е. предлагала измениться по мужскому образцу. Коллонтай вернулась к идее «новой женщины», которую она впервые изложила в одноименной статье в 1913 году. Эта женщина была занята не только в общественном производстве, участвовала в политической деятельности, но и по-новому выстраивала свои сексуальные и семейные отношения. «Новая женщина» Коллонтай полностью совпадала с «новой женщиной» равноправов. В феминистском варианте «новая женщина» стремилась быть самостоятельной и независимой личностью, жить общечеловеческими интересами, боролась за свои гражданские права, выступала против двойной сексуальной морали и отказывалась играть второстепенную роль в обществе.

В 1920-е годы «новая женщина» Коллонтай обогатилась идеей женщины-лидера в социалистическом строительстве. «Коллонтай предлагала революционному государству сделать ставку на женщину как привилегированного партнера при создании новых форм общежития, нового коммунистического уклада» [2, с. 72], к чему лидеры большевистской партии не были готовы. Они были склонны рассматривать женщин как культурно отсталую и обремененную предрассудками массу.

Проект Коллонтай расширился до самостоятельности женского движения. Это было продолжением феминистской традиции и плохо согласовывалось с генеральной линией партии, и чем дальше, тем сильнее обрисовывался этот разрыв.

Этот разрыв стал заметней со временем. Американская феминистка Хайди Хартманн, занимающаяся проблемами гендерного неравенства и двойной эксплуатации женщин в сфере домашнего и наёмного труда, в 1987 г. основала Институт исследований в области женской политики в Вашингтоне. Её книга «Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу» [8] стала в определённом смысле бестселлером. Автор разработала так называемую теорию двойных систем. Она анализировала взаимодействие патриархата и капитализма. Марксизм, считал Хартманн, не воспользовался возможностью своего глубокого обновления, предоставленной ему новой волной феминизма. Вместо этого он уверился в том, что гендерное угнетение имеет второстепенную значимость и, по сути, вытекает из классовой эксплуатации. Брак марксизма и феминизма был аналогом брака мужчины и женщины: марксизм и феминизм, подобно мужу с женой, составляют одно целое, и это целое есть марксизм. Интуиция Ф. Энгельса в «Происхождении частной собственности» о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни как определяющего фактора в истории, включавшая два аспекта – производство средств существования и производство самих людей – так и не была осмыслена достаточно глубоко самим Энгельсом и марксистами следующих поколений. Поэтому марксистские категории остались «слепыми к полу»,

Александра Коллонтай –
адепт марксистского
феминизма

что привело не только к недооценке условий угнетения женщин, но и подорвало возможность понимания комплексной реальности капитализма. Марксистские категории, такие как «класс», «рабочая сила», по мнению Хартманн, «слепы к полу», поскольку являются порождением «слепой к полу» природы законов капиталистического развития.

Согласно Хартманн, капитализм создает иерархии внутри рабочей силы, но его законы развития не могут определить, кому доведется занять те или иные места внутри этой иерархии. С точки зрения чистых «законов движения» капитала, капитализм совершенно индифферентен к тому, являются ли рабочие, занимающие подчинённое положение, мужчинами или женщинами, белыми или черными. Поскольку категории критики политэкономии работают с законами капиталистического развития, они не могут объяснить, кто попадет на какую ступень в разнообразных иерархиях. В этом смысле понятие класса само по себе недостаточно и должно быть объединено с понятиями гендера, расы, национальности и религии. Иными словами, фактор, позволяющий капитализму ставить женщин на низшие ступени иерархии рабочей силы, заложен не в логике самого внутреннего функционирования капитализма, а в логике другой системы угнетения. И хотя эта патриархатная система тесно переплетена с капитализмом, она обладает автономией. И подчинение женщин, созданное патриархатной системой, истоки которой имеют докапиталистическую природу, используется капитализмом в собственных целях.

Пытаясь избежать ловушки, состоящей в том, чтобы представлять патриархат как универсальную и безвариантную структуру, Хартманн исходит из его историчности и тем самым – из пережитых им трансформаций. По её мнению, нельзя говорить о чистом патриархате, поскольку его материальные структуры всегда укоренены внутри определенных отношений производства, и такое сложное отношение модифицирует характеристики и природу этих структур. Посему следует говорить, скорее, о рабовладельческом патриархате, феодальном патриархате, капиталистическом патриархате и так далее.

Хартманн говорит об исторических трансформациях, которые претерпевают сами патриархатные структуры, а не о том лишь, как они проявляются. Несмотря на тесную связь между способом производства и патриархатной системой, каждая из таких структур действует согласно внутренней логике и специфическим законам, которые могут быть или на одной длине волны, или могут находиться в конфликте. Несмотря на то, что капитализм использовал и использует патриархат для утверждения своей власти и оформления эксплуатации, в определенных обстоятельствах «слепые к полу» законы движения капитала могут вступать в противоречие с законами патриархатной системы. Неспособность понять законы, относящиеся к двум системам, не позволяют нам понять природу подобных противоречий. Основанный на их признании счастливый брак, на который надеется Хартманн, должен открыть нам путь к общей истории, способной считывать и интерпретировать законы действия двойных – капиталистической и патриархатной – систем и их взаимосвязи, не сводя при этом одну к другой. Проявления несправедливости в сфере культуры не являются краеугольным камнем производственных отношений, не структурируют разделение труда и требуют изменений на символическом или культурном уровне. Между этими двумя полюсами, экономической несправедливостью и непризнанием, существуют некоторые виды несправедливости, включающие в себя оба аспекта: таковы женское и расовое угнетение. Оба имеют экономические корни и обусловлены разнообразными типами разделения труда. В случае женщин речь идёт о разделении репродуктивного и продуктивного труда, обуславливающим репродуктивный труд как неоплачиваемую обязанность женщин, а также об иерархии внутри рабочей силы, где гендер используется для разделения, в основном, мужских, лучше оплачиваемых секторов труда и менее оплачиваемых секторов – преимущественно женских. Впрочем, это лишь один из аспектов угнетения, ведь женщины также являются объектом обесценивания, имеющим символическую и культурную природу, что порождает многие формы дискриминации и

насилия: насилие домашнее и сексуальное, сексуальная эксплуатация, домогательства и др. [8].

Угнетение женщин, подобно расовому угнетению, требует двоякого ответа, а именно – требования как перераспределительной справедливости, так и признания. Это весьма существенная и справедливая критика. Марксистский феминизм, даже в интерпретации Коллонтай, был всегда примитивнее, беднее и догматичнее либерального и радикального феминизма, развиваемых на дифференцированной и разветвлённой дискурсивной основе.

Хайди Хартманн выступает за сочетание марксистского и радикально-феминистского подходов для комплексного понимания и преодоления подчинённой роли женщины – как в классовом, так и в гипотетическом постклассовом обществе.

Конечно, такие рассуждения далеки от аргументации А. М. Коллонтай: это совсем иная эпоха, и любые сравнения здесь некорректны. Зато они показывают, как далеко продвинулся в рациональных аргументах современный феминизм и расширил свою роль в политике.

Разнообразие интеллектуального пространства феминизма. Современный феминизм представляет собой комплексное явление, отличаясь разнообразием философских и политических подходов, оказавших значительное влияние на развитие социально-политических наук.

В современном употреблении феминизм неизменно связывают с женским движением и с попыткой изменения социальной роли женщин. Американский историк Карен Оффен предлагает определение феминизма «как системы идей и общественного движения за социально-политические изменения, основанные на критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в данном обществе» [14, с. 32]. Такое определение позволяет учитывать все многообразие целей и форм деятельности тех, кого мы называем феминистами. В этом случае феминизм предстает как свойственный многим культурам феномен, своеобразие которого в том или ином обществе зависит от национальных традиций, возможности выражать оппозиционное мнение и многих других факторов.

Феминизм не представляет собой монолитной и универсальной теории и, поскольку он имеет различные идеологические проявления и политические стратегии, точнее было бы говорить о феминизмах, его разных – во времени и пространстве – дискурсах и политиках (либеральный, марксистский, радикальный, постмодернистский, экологический, психоаналитический, антирасистский и т. д. феминизм).

Феминизм также характеризуется разнообразием политических взглядов и точек зрения. В зависимости от конкретно-исторических условий он может преследовать разнообразные политические цели: от достижения избирательного права голоса для женщин, учреждения равного доступа к образованию и увеличения числа женщин, занимающих высокое положение в общественной жизни, до легализации аборт, запрещения женского обрезания и отмены правил ношения одежды, которые являются ограничивающими и унижительными для женщин. Главное же заключается в том, что феминистки предложили принципиально новые, реформаторские политические стратегии, а феминистская теория в значительной степени основывается на отличных от традиционных политических взглядов и ценностях.

До 1960-х годов различие по половому признаку редко воспринималось как политически интересное и важное. Если и принимались во внимание различия социальных, экономических и политических ролей мужчин и женщин вообще, то, как правило, они рассматривались как «естественные» и, следовательно, неизменные. Например, мужчины и, возможно, большинство женщин признают, что некоторые виды мужского-женского разделения труда в обществе были продиктованы простыми биологическими факторами. Общепринятая политическая теория сыграла свою роль в поощрении подобных убеждений, игнорируя деление по половому признаку в целом. Феминизм публично разоблачил «активизацию предубеждений», которыми традиционно оперировала политическая теория и с помощью которых поколения мыслителей

мужского пола, не склонные ставить под удар привилегии и власть, которыми они пользовались, преуспевали в сохранении роли женщин вне политической карьеры.

К середине XIX в. основным направлением женского движения стало движение за избирательные права женщин, которое черпало вдохновение и приобретало опыт в прогрессивном распространении права участвовать в выборах для мужчин. Этот период принято называть «первой волной» феминизма и он характеризуется требованием женщин иметь такие же гражданские и политические права, какие имеют мужчины. Избирательное право для женщин было главной целью женского движения, потому что они полагали, что, если женщины смогут голосовать, все остальные виды половой дискриминации и предрассудков быстро исчезнут.

Женское движение получило большое развитие в странах с развитой демократией. В США женское движение, частично вдохновленное движением за отмену рабства, появилось в 1840-е годы. Национальная ассоциация суфражисток, руководителями которой были Элизабет Кэйд Стэнтон и Сьюзан Б. Энтони, была создана в 1869 г. и объединилась с более консервативной Американской ассоциацией суфражисток в 1890 году. Подобные движения получили развитие и в других западных странах. В Великобритании организованное движение получило распространение в 1850-е годы. В 1867 г. Палата общин провалила проект, предоставляющий избирательное право женщинам, поправку к Second Reform Act, предложенную Джоном Стюартом Миллем. Британское женское движение суфражисток взяло на вооружение активные тактические приемы, получившие широкое распространение после создания в 1903 г. по инициативе Эмелин Пэнкхерст и ее дочери Кристabelle Женского социально-политического союза, осуществлявшего массовые акции, наносившие ущерб частной собственности, и организовывали серии манифестаций, получивших широкую огласку.

«Первая волна» феминизма завершилась с предоставлением избирательного права женщинам, впервые введенного в Новой Зеландии в 1893 г. 19-я поправка к Конституции США предоставила право голоса американским женщинам в 1920 г. Женщины Великобритании получили право голоса в 1918 г., но они не имели равного права голоса с мужчинами еще в течение следующего десятилетия. Как это ни парадоксально, но завоевание права голоса ослабило и подорвало женское движение. Борьба за избирательное право для женщин, имея четкую цель и согласованные действия, объединяла и вдохновляла движение. Более того, многие активистки наивно полагали, что, добившись избирательного права для женщин, они добились полной эмансипации.

Только в 1960-е годы женское движение возродилось с появлением «второй волны» феминизма. Опубликованная в 1963 г. книга Бетти Фридан «Мистика женственности» имела большое значение для переосмысления идеи феминизма. Многие женщины испытывали неудовлетворение и разочарование от того, что были вынуждены оставаться лишь домохозяйкой и матерью. «Вторая волна» феминизма признала, что достижение политических и гражданских прав не решило «женского вопроса».

Со временем феминистские идеи и споры становятся все более радикальными и порой революционными. Такие книги, как «Сексуальная политика» (1970) Кейт Миллет и «Женский евнух» (1970) Джермейн Гриир, раздвинули границы того, что раньше считалось «политическим», сосредоточившись на личных, психологических и сексуальных аспектах женского угнетения. Целью «второй волны» феминизма была не только политическая эмансипация, но и «эмансипация женщин», нашедшая отражение в идеях набирающего рост феминистского движения за равноправие женщин. Эта цель не могла быть достигнута только политическими реформами или изменениями законодательства, но также, согласно современным феминистским взглядам, требовала радикальных и, возможно, коренных социальных изменений.

С первым расцветом радикальной феминистской идеи в конце 1960-х и в начале 1970-х годов феминизм получил дальнейшее развитие как бесспорная и авторитетная идеология, идеи и ценности которой бросали вызов самым фундаментальным представлениям традиционной политической мысли. Феминизм преуспел в создании гендерных исследований и гендерных концепций как важных предметов

в ряду академических дисциплин и в повышении уровня осознания проблем пола в общественной жизни в целом.

К 1990-м годам феминистские организации существовали во всех западных странах и в большинстве развивающихся стран. При этом два процесса сопровождали эти явления. Первый – процесс дерадикализации, который характеризовался уходом от бескомпромиссных позиций, свойственных феминизму в ранние 1970-е годы. Это привело к популярности идеи «постфеминизма», так как с достижением феминистских целей в целом женское движение вышло за рамки феминизма как такового. Второй процесс – дробление на отдельные составляющие. Вместо того чтобы просто ослабить свой чрезмерно радикальный или критический настрой, феминистское мышление пошло по пути радикальной диверсификации, затрудняя и делая все более невозможным отождествление понятий и общности взглядов в феминизме. В дополнение к основным традиционным феминистским направлениям – либеральный феминизм, социалистический/марксистский феминизм, радикальный феминизм – теперь еще добавились феминизм постмодерна, психоаналитический феминизм, черный (афроамериканский) феминизм, лесбийский феминизм и т. д.

Следует подчеркнуть, что появившаяся идеология феминизма была комплексной идеологией, изначально объединяющей три основные традиции: либеральный феминизм, марксистский, или социалистический феминизм, и радикальный феминизм. Возникло и определенное взаимопонимание достигнутого в феминизме по ряду ключевых вопросов. Самыми важными среди них являются следующие: разделение на общественное/личное; патриархат; пол и гендер; равенство и различия [6, с. 314].

Общественное/личное деление

Традиционные представления относят термин «политическое» к общественной сфере, а не к частной жизни. Политическая жизнь обычно понималась как деятельность, которая имеет отношение к общественной сфере государственных институтов, политических партий, влиятельных групп и публичных дебатов. Семейная жизнь и личные отношения, как правило, воспринимались как частная сфера и, следовательно, были вне политики. Современные феминистки, напротив, настаивают на том, что политика является деятельностью, «которая касается всех социальных групп и не ограничивается только делами государственными и деятельностью общественных организаций» [Barrett, 1987, p. 43]. Политика существует везде, где есть социальный конфликт. Взаимоотношения между государством и гражданами являются, несомненно, политическими, таковыми же являются отношения между работодателями и работниками компании, а также отношения в семье между мужчинами и женщинами, между родителями и детьми.

Определение того, что есть политика, представляет не только академический интерес. Феминистки доказывают, что половое неравенство сохранилось именно потому, что половое разделение труда, существующее в обществе, рассматривалось как «естественное», а не «политическое». Это подчеркивается в самом названии книги Жанны Б. Элстайн «Общественный мужчина, частная женщина» (1981). Общественная сфера жизни, включая в себя политику, работу, искусство, литературу, традиционно находилась под влиянием мужчин, в то время как женщины были ограничены, по существу, частной жизнью вокруг семьи и домашних обязанностей. В сущности, женщины, ограниченные частной ролью жены и матери, исключены из политики.

Радикальные феминистки являются самыми резкими противниками идеи, что политика заканчивается у двери дома, провозглашая вместо этого, что «личное есть политическое» [12, с. 29]. Таким образом, они полагают, что женская дискриминация затрагивает все слои общества и во многих отношениях берёт начало в семье. Поэтому радикальные феминистки заинтересованы в исследовании того, что называют «политика повседневной жизни».

Это понятие включает в себя процесс создания соответствующих условий в семье, распределение домашней работы и других семейных обязанностей и политику личного и сексуального поведения. Для некоторых феминисток устранение деления

общественное/частное означает передачу семейных обязанностей государству или другим общественным органам. Например, бремя воспитания ребенка могло бы быть облегчено для женщин благодаря более щедрым социальным пособиям для семей или предоставлением детских садов или детских яслей на работе. Либеральные феминистки, несмотря на то, что они выступают против деления общественное/частное на том основании, что оно ограничивает доступ женщин к общественной сфере образования, работы и политической жизни, предостерегают против опасности политизации частной сферы, которая, согласно либеральной теории, является сферой индивидуального выбора и свободы личности.

Патриархат

Феминистки полагают, что гендер, как и социальный класс, раса или религия, является одной из главных линий противостояния в обществе. Радикальные же феминистки вообще убеждены, что именно гендерное деление играет ведущую роль в политической жизни. Феминистки были вынуждены предложить новые концепции и теории для выражения идеи о том, что общество основывается на системе полового неравенства и дискриминации. Они используют понятие «патриархат» для описания отношений между мужчинами и женщинами, построенных на власти. Этот термин буквально означает «под руководством отца» и может относиться также к господству мужа – отца семейства и, соответственно, к подчинению ему его жены и детей. Термин «патриархат» чаще используется в более широком значении – для обозначения просто господства мужчин как в семье, так и вне семьи. Патриархат представляет собой иерархическое общество, характеризующееся как притеснением по гендерному признаку, так и притеснением возрастного характера.

Феминистки полагают, что мужчины господствовали над женщинами во всех обществах, но особо отмечают тот факт, что виды и уровень притеснения значительно варьируются в разных странах и культурах и в разные исторические периоды. По крайней мере, в западных странах социальное положение женщин значительно улучшилось в течение XX века, что явилось результатом завоевания избирательного права и более широкого доступа к образованию, изменений в законодательстве о заключении и расторжении брака, легализации аборт и пр. Тем не менее в некоторых развивающихся странах патриархат по-прежнему имеет жестокие формы.

Либеральные феминистки используют данный термин, чтобы обратить внимание на несправедливое распределение прав и льгот в обществе в целом. Они подчеркивают слабое представительство женщин на руководящих позициях в политике, бизнесе, в профессиональной и общественной жизни. Социалистки стремятся подчеркнуть экономические аспекты патриархата. С их точки зрения, патриархат действует вместе с капитализмом, подчинение по половому признаку и классовое неравенство являются взаимосвязанными методами притеснения. Радикальные феминистки, с другой стороны, делают акцент именно на патриархате. Они рассматривают его как систематическую, институционализированную и доминирующую форму мужской власти, которая уходит корнями в семью. Таким образом, идея патриархата выражает убежденность в том, что модель мужского господства и женского подчинения, характерная для общества в целом, является в действительности отражением властной структуры, которая используется в семейной жизни.

Пол и гендер

Понятие «гендер» (gender), параллельное понятию «пол» (sex), было введено на английский язык Энн Оукли: «пол» – это биологический термин, а «гендер» – из области психологии и культуры [13, р. 24].

Понятие социального пола (gender) концентрирует внимание на социально сконструированных различиях между мужчинами и женщинами. В современной западной социологии этот термин отражает не индивидуальную идентификацию и личностные характеристики, но культурные стереотипы и идеалы маскулинности и фемининности, половое разделение труда в социальных институтах и организациях.

Биологический фактор, с которым чаще всего связывают социальное положение женщины, – это способность к деторождению. Безусловно, вынашивание ребенка и кормление его грудью является уникальным для женского пола. Однако эти биологические факторы ни в коей мере не являются обязательно помехой для женщин и не определяют её социального предназначения. Женщины не обязаны принимать на себя всю ответственность материнства: воспитывать и обучать детей, посвятить себя дому и семье. Связь между возможностью родить ребенка и растить ребенка, скорее, культурная, чем биологическая. Известно, что домашние обязанности могут выполнять и мужчины. Воспитание ребенка может выполнять община, или государство, или родственники, как в «расширенных семьях». Феминистки, как правило, отвергают идею, что биология есть судьба, проводя четкое разграничение между понятиями «пол» и «гендер». Пол в этом значении имеет отношение к биологическим различиям между мужчинами и женщинами, эти различия являются естественными и, соответственно, неизменными.

Гендер, напротив, – термин, относящийся к культуре, он относится к различным ролям, которые общество приписывает мужчинам и женщинам. Половые различия, как правило, навязываются через сопоставление стереотипов «мужественность» и «женственность». Как отмечала Симона де Бовуар: «Женщины сделаны, а не рождены» [11, р. 3]. Патриархатные идеи затемняют различие между полом и гендером и полагают, что все социальные различия между мужчинами и женщинами основываются на биологии и анатомии. Феминистки, напротив, обычно отрицают, что существует обязательная или логическая связь между полом и гендером, и подчеркивают, что различия полов являются социально или даже политически придуманными.

Большинство феминисток полагают, что половые различия между мужчинами и женщинами относительно небольшие и не могут объяснять или, тем более, оправдывать гендерные различия. По их мнению, человеческая природа считается андрогенной (двуполой), соединяющей в себе свойства мужского и женского пола. Все люди независимо от пола обладают генетической наследственностью матери и отца и, следовательно, содержат в себе смесь женских и мужских свойств или особенностей. Такая точка зрения признает, что половые различия являются биологическими, но настаивает на том, что они не имеют какой-либо социальной, политической или экономической значимости. Мужчин и женщин следует рассматривать не по их половому признаку, а как личности. Цель феминизма, таким образом, – достичь внегендерной индивидуальности.

Создание понятия «гендер», отделенного от понятия «биологический пол», имело решающее значение для развития теории феминизма, потому что оно не только выдвигало на первый план социальные изменения – социально навязываемые тождества могут быть пересмотрены и разрушены, – но и обращало внимание на процессы, посредством которых женщины подвергаются дискриминации. В рамках данного подхода гендер понимается как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества. Гендер, таким образом, трактуется как одно из базовых измерений социальной структуры общества, которое вместе с другими социально-демографическими и культурными характеристиками (раса, класс, возраст) организует социальную систему.

Равенство и различие

Общепризнанным в научной литературе является наличие двух политических стратегий, двух способов идентификации, двух типов теоретического дискурса: феминизма равенства и феминизма различия.

Симона де Бовуар – лидер «второй волны» феминизма

А. М. Коллонтай:
Советская женщина
заслуживает большего

Феминизм равенства пытается реализовать такой проект социального устройства, в котором обеспечивалось бы полное равенство политических, экономических и социальных прав женщин и мужчин и, по существу, было бы преодолено экономическое разделение труда между полами. Достижение гендерного равенства, хотя и предполагает определённые реформы, в целом не затрагивает основ существующего социального порядка и обеспечивающего его устойчивость дискурсивного механизма производства знания.

Феминизм различия основывается на идее «инаковости», принципиальной несводимости женской субъективности к универсальному субъекту права, политики, экономики, философии, науки. Поэтому феминизм различия не связывает свои надежды ни с развитием женских исследований в рамках традиционной научной парадигмы, ни даже с созданием

альтернативной женской теории.

Феминизм равенства, во многом обязанный своим происхождением теориям политического либерализма XVIII–XIX веков, изначально основывался на ценностях равенства. Первые феминистские авторы показали, что неравенство полов связано не с биологическими и психологическими особенностями женщин, а с ограниченным доступом к образованию и участию в жизни общества. На протяжении XVIII–XIX веков продолжалась борьба за право на образование, право на собственность, право голоса и политического участия. Идея равенства мужчин и женщин открыла возможности для реформирования общества в сторону большей демократичности. При этом вплоть до конца XIX века «женский вопрос» лежал в стороне от сферы интересов политической и экономической наук: абстракция экономического человека неявно предполагала мужчину, деятельность которого протекает вне семьи и связана с рынком, а труд получает стоимостную оценку и, соответственно, социальный статус.

Для обеспечения женщине равного экономического положения достаточно обеспечения юридической самостоятельности женщине в браке, предоставления ей права распоряжаться своей долей имущества. Выбор женщиной рода занятий и доступ к мужским сферам деятельности, вопреки распространенным опасениям, не несут в себе угрозу стабильности общества. Таким образом, либеральный феминизм тесно связан с либерально-экономической доктриной: равенство прав – как мужчин, так и женщин. Феминистки демонстрируют порой совершенно противоположные взгляды на идею равенства, некоторые из них полностью отрицают равенство во имя идеи различия. Либеральные феминистки выступают за легальное и политическое равенство с мужчинами. Они поддерживают идею равных прав, которые бы поощряли женщин соперничать в общественной жизни на равных условиях с мужчинами, независимо от пола. Равенство, следовательно, означает равный доступ к общественной сфере.

Социалистические феминистки, напротив, доказывают, что равные права бессмысленны до тех пор, пока женщины не получают социального равенства. Равенство в этом значении должно рассматриваться в зависимости от экономической мощи и также должно принимать во внимание такие вопросы, как право собственности, разница в оплате труда и различие между оплачиваемой и неоплачиваемой работой.

Радикальные феминистки в первую очередь озабочены равенством в семье и семейной жизни. Равенство должно работать, например, применительно к уходу за ребенком и к другим семейным обязательствам, к половому влечению и удовлетворению.

В то же время другие феминистки защищают скорее различие, чем равенство. Стремление быть равным мужчине предполагает, что женщины отождествляются с мужчинами, и тогда они определяют свои цели исходя из того, кто такие мужчины и что они имеют. Требование равноправия в таком контексте, следовательно, воплощает стремление быть «как мужчины». И хотя феминистки стремятся к свержению патриархата, многие предупреждают об опасности имитировать мужчин, что привело

бы, например, к принятию соревновательного и агрессивного поведения, присущего мужскому обществу.

Многие феминистки понимают движение за равноправие как стремление к развитию и реализации потенциальных возможностей женщин. Интеллектуальное пространство феминизма и гендерных исследований постоянно расширяется и проблемно уплотняется. Можно это показать на примере актуальной в человеческом мире темы заботы [1].

В практиках повседневной заботы и ухода в самых разных институциональных контекстах непропорционально больше заняты женщины фактически во всех обществах. И в семье, и в сфере оплачиваемого труда устойчиво воспроизводится гендерный дисбаланс, наблюдается феномен феминизации практик заботы. Профессиональную и институциональную заботу выполняют, в основном, женщины: работают нянями, домработницами, акушерками, воспитательницами в детских садах, медсестрами и сиделками на дому, в медицинских учреждениях и домах для престарелых. Гендерный дисбаланс в практиках домашней заботы сохраняется и при массовом вовлечении женщин в сферу оплачиваемого труда. Он воспроизводится даже в тех обществах, где политика гендерного равенства и поддержка социального государства имеет устойчивые традиции и достижения – такими являются скандинавские страны.

Сложившееся в патриархатном обществе гендерное неравенство в осуществлении заботы усиливается тенденциями неолиберальной политики, при которой рыночные механизмы считаются наиболее эффективными для решения социальных проблем, и государственная социальная поддержка сводится к минимуму. Если в обществе доминируют консервативные идеологии и традиционные представления о гендерных ролях, то основными акторами непосредственной заботы считаются семьи, а в них – женщины, которым приписывается бóльшая компетентность в выполнении этих функций и готовность выполнять заботу бесплатно. Именно поэтому проблематика заботы находится в центре гендерных и женских исследований начиная с конца 1970-х гг. Исследователи отвечают на вопросы: что такое забота как тип деятельности; почему именно женщины выполняют повседневную заботу; каковы гендерные, этнические, расовые, возрастные и классовые маркеры заботы, кто реально осуществляет практики первичного ухода и долгосрочной заботы о зависимых членах общества; как складываются отношения власти в практиках долгосрочной заботы, каковы режимы организации заботы, принятые в тех или иных обществах; как возможно преодолеть гендерное неравенство в практиках заботы и способствовать росту ценности заботы в современном обществе.

Долгое время повседневная забота рассматривалась социологами в двух ипостасях: как семейная роль, которую конвенционально выполняют женщины, и как домашний труд в сфере воспроизводства. Первая интерпретация характерна для функционалистской теории половых ролей, вторая – для марксистской социальной теории.

В начале XXI в. проблематика заботы, первоначально находившаяся на периферии академического внимания, оказывается в центре интереса не только в гендерных исследованиях, но и в основном русле социологии. Интеграция проблематики заботы в поле социологии происходит под воздействием гендерных исследований, изучения социальной политики государств всеобщего благосостояния и давления общественных движений, борющихся за социальные права разных категорий граждан, в том числе тех, кто занят долгосрочным уходом за зависимыми членами семьи. В настоящее время эта тематика занимает одно из самых заметных мест в социологии, её можно найти в разных предметных областях – исследованиях гендера, старости, родительства и детства, медицины и здоровья, общественных движений и социальной политики. Актуальны также исследования практик заботы, их тренды и тематика, формирование нормативных теорий заботы, разработка стратегий преодоления гендерного неравенства в практиках заботы.

Феминизм в международной политике. Феминизм освоил поле международных отношений лишь в последние десятилетия, но и здесь обнаружил свою идейную продуктивность.

Феминизм – широкий термин, обозначающий работы тех ученых, которые стремились внести гендерные проблемы в академические исследования международной политики, чтобы лучше понять глобальную политику и международные отношения. Феминистский подход сгруппирован в широкую категорию рефлексивных подходов, что представляет собой расхождение с подходами, придерживающимися рационалистического мировоззрения, основанного на предпосылках теории рационального выбора. Рефлексивные подходы рассматривают государственную идентичность и интересы как постоянно меняющиеся, так что нормы и идентичность играют такую же роль в формировании политики, как и материальные интересы. Феминизм полагает, что высоко маскулинизированная культура внутри оборонного истеблишмента способствовала отделению войны от человеческих эмоций. Феминистская теория международных отношений включает в себя рассмотрение того, как международная политика влияет и на неё влияют как мужчины, так и женщины.

Окончание «холодной войны» и переоценка традиционных теорий международных отношений в 1990-е гг. открыли пространство для гендерного анализа международных отношений. Появилась потребность смотреть на них с «феминистским сознанием». Феминистское сознание, вооруженное гендерной линзой, позволяет ученым обсуждать международную политику с более глубокой оценкой и пониманием вопросов, касающихся гендера во всем мире. При переговорах о прекращении огня, мирных соглашениях и формировании новых конституций их участники придумали слово «комбатант» для обозначения тех, кто нуждался в этих, как правило, напряжённых переговорах. Использование слова «комбатант» подразумевает один тип военизированных людей, обычно мужчин с оружием, и исключает женщин и девочек, задействованных в качестве носильщиков, поваров и принудительных «жён» комбатантов-мужчин. Этот термин фактически делает потребности этих женщин невидимыми и исключает их из критического разговора о том, кому что нужно на войне и в мире. Мужская идентичность увековечивается и в конечном итоге является продуктом практики международных отношений. Мужская идентичность формировалась в обществе с течением времени в результате различных политических процессов. В обществе преобладают три основные модели маскулинности: модель греческого гражданина / воина, иудео-христианская модель и протестантская буржуазная рационалистическая модель. Они вполне прослеживаются на протяжении всей истории, где мужественность измеряется милитаризмом и гражданством, владением и авторитетом отцов и, наконец, конкурентным индивидуализмом и разумом. Концепции мужественности сформировали внешнюю политику, государственную идентичность, безопасность и вооружение во время и вне войны.

Важной основой для большинства феминистских исследований войны является подчёркивание того, что только мужчины рассматриваются как единственные действующие лица на войне. Если признается, что женщины участвуют на протяжении всего конфликта и его разрешения, то утверждается их роль только как «скорбящих вдов и матерей, бескорыстных медсестер и антивоенных активисток». Реальность же такова, что женщины играют разные роли на войне и по разным причинам, в зависимости от конфликта. Женщины активно участвовали в войнах с середины XIX века. Этот процесс исключения женщин из войны – инструмент, используемый для дискредитации женщин как акторов и агентов на международной арене. В центре внимания феминизма – массовые изнасилования во время войны. Возникает вопрос: почему сексуальное насилие во время войны так широко распространено в истории и сегодня? Феминистки считают, что изнасилование нередко рассматривается как оружие или как награда солдатам во время войны. Другие считают сексуальное насилие неизбежным следствием снятия социальных ограничений.

Сформировалась традиция феминистского антимилитаризма, которая выступает против оружия массового уничтожения в военных, политических или сдерживающих целях, но при этом она отличается от пацифизма тем, что не отвергает все формы войны.

Либеральный феминизм имеет дело конкретно с формированием политики и требует, чтобы женщины, а также взгляды на реалии жизни как женщин, так и мужчин, были справедливо включены и представлены в процессе разработки политики.

Феминизм различий фокусируется на расширении прав и возможностей женщин, в частности, посредством конкретных разработок, реализации и оценки политики, учитывающей материальные и культурные различия между мужчинами и женщинами и их значение.

Постараюсь показать, вынужденно фрагментарно, аргументацию феминизма при анализе некоторых проблем международной политики, опираясь на материал статьи о сексуальном насилии в условиях вооруженных конфликтов [15].

Проблема сексуального насилия в условиях вооружённых конфликтов долгое время оставалась без внимания исследователей и международного сообщества. Однако случаи сексуального насилия в военное время были зафиксированы как в более ранней истории, так и в таких военных инцидентах и конфликтах XX века, как захват Польши нацистской Германией в 1939 г., Нанкинская резня в Китае, взятие Берлина советскими войсками, война во Вьетнаме, война в Корее и вторжение в Афганистан.

Первыми о проблеме сексуального насилия в условиях конфликта начали говорить исследователи феминистской школы международных отношений. Феминистская теория международных отношений, получившая развитие в 80-е гг. XX века, стремилась дать альтернативное объяснение таким международным процессам, как война и анархичность международной системы, терроризм и гонка вооружений, используя гендерные образы и обличая патриархальную подоплёку существующей системы международных отношений. В то же время феминисты призывали расширить круг вопросов, которые наука о международных отношениях должна признать проблемными. Поэтому они стали первыми, кто задал вопрос о роли женщин в международных отношениях и подверг критике их подчинённое и пассивное положение. В то время как традиционная международная теория сфокусирована на вопросах предотвращения войны и в большинстве своём выбирает государственный и международный уровни исследования причин войны, учёные-феминисты занимаются изучением последствий военных конфликтов, рассматривая разрушительное влияние войны на микроуровне.

Феминисты обращают внимание, что те группы населения, которые обычно рассматриваются государствами как защищаемые, на самом деле являются наиболее уязвимыми в ходе военных действий, причём за последнее столетие их доля среди общего числа военных потерь выросла с 10 % до 90 %.

Согласно данным Комиссии ООН по делам беженцев, женщины и дети составляют около 75 % от числа людей, нуждающихся в защите. Кроме того, именно статус защищаемого превращает мирное население в объект атаки для враждебной стороны: феминисты убеждены, что высокая доля жертв среди мирного населения в современных конфликтах не является случайным побочным действием военной конфронтации – смерть есть суть любой войны, а замалчивание политическими лидерами и СМИ числа жертв и обстоятельств смерти гражданского населения служит легитимации современных методов ведения войны и войны как таковой. В ситуации, когда женщины оказываются по большей части исключены из сфер внешнеполитического и военного дела, атака на гражданское население неизбежно приобретает гендерный характер.

Поэтому вторым вектором в исследованиях сексуального насилия в условиях конфликта является обличение связи женщины и образа нации. Женщины признаются как своего рода «границы нации», поскольку они не только биологически воспроизводят новое поколение, но и являются носителями культуры и традиций, отвечая за воспитание детей. По этой причине материнский долг женщин часто сравнивается с воинской обязанностью мужчин, а символы нации нередко имеют женское обличье. Представляя собой репродуктивный ресурс государства, женщина становится объектом его особой

защиты. Сексуальное насилие против женщин, прежде всего военное изнасилование, в этом случае становится способом демонстрации превосходства над врагом. Проигравшая сторона видит изнасилование «своих женщин» как унижение, акт лишения чести всего сообщества. Сравнительный анализ случаев военного изнасилования (или его отсутствия) в различных военных конфликтах последних десятилетий позволил выявить, что доля сексуального насилия выше в тех конфронтациях, линией раскола в которых служит этническая и религиозная идентичность. Кроме того, обращаясь к случаю Боснийско-Сербского конфликта, исследователи отмечают, что в этом конфликте, где этнические и религиозные различия играли определяющую роль, изнасилование стало не только способом унижения и обезчеловечивания противника, но и намеренной попыткой уничтожения боснийского этноса. Впоследствии изнасилование боснийских женщин было признано актом геноцида и новой тактикой ведения войны.

В то же время феминисты призывают не забывать о прямой связи сексуального насилия в конфликтных ситуациях со всеобъемлющей системой гендерного неравенства и характером гегемонической маскулинности, обретающей особо сильное воплощение в условиях войны. Маскулинный характер войны, института армии и характера задач военных приводят к проявлению негативных сторон военной мужественности. Насилие войны подпитывает насилие сексуальное, а преступления сексуального характера зачастую воспринимаются военным командованием как неизбежный побочный эффект и не находят порицания или наказания.

Несмотря на то что сбор данных об этом роде военных преступлений крайне затруднён, различные статистические исследования ООН позволяют определить, что число жертв, пострадавших от сексуального насилия в Боснийском конфликте, составило около 20 тысяч человек, 15 тысяч в год во время конфликта в Демократической Республике Конго, и как минимум 250 тысяч жертв во время геноцида в Руанде.

Критика феминистов и высокая статистика сексуального насилия в современных конфликтах привлекли внимание мирового сообщества к этой проблеме. Впервые особое положение женщин в конфликтах, в частности, их уязвимость перед сексуальным насилием, было отмечено в Резолюции Совета Безопасности ООН 1325 (2000). Резолюция признает, «что гражданское население, особенно женщины и дети, составляет подавляющее большинство среди тех, на ком негативно сказываются вооруженные конфликты ... и все чаще становится мишенью для комбатантов и вооруженных элементов» и призывает не только «принимать специальные меры для защиты женщин и девочек от обусловленного половой принадлежностью насилия, особенно от изнасилования и других форм сексуального надругательства», но и по этой причине «обеспечить более активное участие женщин на всех уровнях принятия решений в рамках национальных, региональных и международных институтов и механизмов предотвращения, регулирования и разрешения конфликтов».

Несмотря на то, что первоначальной целью Резолюции СБ ООН 1325 была интеграция женщин в миротворчество и постконфликтное урегулирование на правах активных участников в силу их особого опыта войны, последовавшая группа резолюций в поддержку Резолюции 1325 оказалась сконцентрирована на роли женщин как пассивных жертв конфликта, требующих защиты от сексуального насилия. В 2009 г. Резолюцией 1820 сексуальное насилие было признано особой тактикой ведения войны, а текст резолюции провозглашает такие военные преступления поводом для введения санкций в отношении ответственных стран или даже военного реагирования сил ООН на случаи сексуального насилия как на нарушения прав человека.

Современные миротворческие миссии ООН, а также страны, внедрившие гендерную перспективу в свою миротворческую деятельность, сделали защиту безопасности женщин важной задачей миротворчества. Хотя такой подход, по сути, был вдохновлен феминистскими исследованиями проблемы сексуального насилия, современные феминисты выступают с критикой повышенного внимания к военным преступлениям сексуального характера по нескольким причинам.

Несмотря на то что проблема сексуального насилия получила отражение в большом количестве документов ООН, а такие страны, как Канада, Швеция, Финляндия,

Норвегия, Нидерланды и др. разработали национальные планы по имплементации Резолюции 1325, женщины из числа гражданского населения в зонах конфликтов по-прежнему преимущественно видятся как пассивные жертвы, а не равноправные участники конфликта и постконфликтного строительства. Так, за годы с момента принятия Резолюции 1325 количество женщин среди миротворцев ООН увеличилось незначительно – с 1,5 % до 4 %. В 31 важнейших переговорах о мире в период с 1992 по 2011 гг. лишь 9 % от числа медиаторов и 4 % от лиц, подписавших договоры о мире, составляли женщины. В то же время необходимость защиты женщин и детей в зонах конфликтов становится все более распространённой риторикой среди политических лидеров и в сообщениях СМИ. В таком диспаритете между стремлением международного сообщества защитить женщин от опасностей войны и слабым прогрессе по включению женщин в миротворческий процесс, проделанном за почти два десятилетия, исследователи видят воплощение дихотомии «защитник/защищаемые», но уже не в национальном, а международном масштабе.

Сохранение концепции о «защищаемых» в международном контексте остаётся проблематичным по тем же причинам. Такие отношения по определению нельзя считать равноправными, поскольку тот, кто оказывается под защитой, непременно представляется объектом, пассивной стороной, не имеющей веса в определении мер и способов защиты, и должен быть не только благодарен, но и следовать определённым правилам, чтобы оправдать право быть защищённым.

Из этого вытекает второй аргумент критики, а именно – опасение, что права женщин, заполучив прочное место в международной повестке, могут стать инструментом империалистической политики крупных сил Запада. Многие феминисты скептически относятся к инициативе внедрения идей феминизма в работу структур, созданных и управляемых решениями патриархатных государств, таких как Совет Безопасности ООН – орган, санкционирующий миротворческие операции ООН. В частности, они указывают на недемократический характер Совета Безопасности, равно как и на присутствие в нем ведущих военных сил мира, ответственных за многие современные конфликты и действующих в соответствии с маскулинной логикой и положениями реализма, которые феминисты широко критикуют. Кроме того, использование риторики о защите прав женщин и детей может быть использовано странами Совета Безопасности для санкционирования интервенций в собственных интересах. Зачастую упрощенное представление о характере сексуального насилия в войне может также привести к демонизации одной из сторон конфликта с целью оправдания особенно brutальных методов борьбы с ним. Примером такой практики является нарратив о военных изнасилованиях в Боснийско-Сербском конфликте, когда странами НАТО был проигнорирован двухсторонний характер насилия (Боснийская сторона тоже, хоть и в меньших масштабах, прибегала к сексуальному насилию) и его более сложная гендерная структура (акты насилия не всегда совершались исключительно мужчинами против женщин). В то же время известны случаи, когда внедрение женщин в миротворческие миссии или попытки Совбеза воспрепятствовать сексуальным преступлениям в конфликтах блокировались такими постоянными и непостоянными членами Совета, как Россия, Китай, Пакистан и Колумбия. Кроме того, гендерный подход к миротворчеству не был использован в наиболее важных и опасных миссиях ООН – операциях, требующих новых нестандартных подходов и особой защиты гражданского населения. Это подтверждает тот факт, что для многих стран-членов ООН, в особенности для крупнейших военных сил международной системы, защита прав женщин служит идеологическим щитом для международной интервенции.

Кроме того, крупные силы международной системы не только подвергают виктимизации женщин в зонах конфликтов, но и, в терминах гендерной теории, феминизируют страны, переживающие конфликты, т.е. представляют их нестабильными, недемократичными, неспособными защитить своих граждан и потому нуждающихся в международном покровительстве. В этой ситуации дискурс о правах женщин способствует яркому проявлению другого вида бинарного неравенства: превосходства

глобального Севера над Югом, развитых западных демократий над нестабильными регионами мира. Представляя сексуальное насилие как преступление, совершаемое мужчинами против женщин, международное сообщество игнорирует более комплексную природу этого явления. Феминисты отмечают, что изнасилование есть прежде всего акт гендерного, а не сексуального характера. Не всегда совершаемое мужчинами против женщин, оно тем не менее всегда служит методом унижения жертвы.

Далеко не все ареалы международной политики освоены феминизмом, но даже некоторые примеры демонстрируют углубление аргументации и расширение поля исследований.

Эпилог. Александра Михайловна Коллонтай сама задала траекторию своей жизни и прожила её ярко и продуктивно. Откровенная эмансипированность и феминистская самостоятельность составляли внутреннюю пружину её натуры. Ей выпала небывалая эпоха: две мировых войны, череда русских революций, жесточайшая гражданская война, голод, разруха, смерть на каждом шагу. Она приняла её как собственную судьбу.

Недолгая деятельность Коллонтай на посту наркома вылилась в проведение политики государственного феминизма: вопросы в отношении женщин ставились как приоритетные и государственные задачи. Политика государства первых лет советской власти была направлена на отказ от регулирования семейных отношений и контроля над женщиной. Многие нововведения в правах женщин устанавливались при самом непосредственном участии наркома А. М. Коллонтай.

Чрезвычайным оказался в 1918 г. брак Коллонтай с наркомом по военным и морским делам первого советского правительства Павлом Ефимовичем Дыбенко. Чрезвычайным потому, что Дыбенко в момент его заключения находился под трибуналом за тяжкое военное преступление – его отряд моряков оставил фронт под Нарвой во время немецкого наступления. Коллонтай напрягала все силы, вплоть до обращения к Ленину, чтобы как-то его вызволить. Со временем этот брак назовут первым советским браком. Петрограде, в подготовке флота к Октябрьскому вооружённому восстанию. 5 июля был арестован и заключён в тюрьму «Кресты». По настоянию большевиков, 5 сентября 1917 г. освобождён и вернулся в Гельсингфорс

П. Е. Дыбенко с женой
А. М. Коллонтай в 1919 г. в
период службы в Украинской
советской армии

Дыбенко – активнейший участник революции и гражданской войны. С марта 1917 г. был членом Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих; с апреля 1917 года – председатель Центробалта (Центрального комитета Балтийского флота), сыгравшего выдающуюся роль в победе большевизма в октябре 1917 г. Дыбенко принимал участие в антиправительственном выступлении в июле 1917 г. в .

В конце сентября 1917 г. Дыбенко – делегат 2-го съезда моряков Балтийского флота. Во время Октябрьской революции Дыбенко руководил формированием и отправкой из Гельсингфорса и Кронштадта отрядов революционных моряков и военных кораблей в Петроград; во время выступления Л. Г. Корнилова – красными отрядами в Гатчине и Красном Селе, арестовывал генерала П. Н. Краснова. На II Всероссийском съезде Советов вошёл в состав Совета народных комиссаров.

В ноябре 1917 г. избран депутатом Учредительного Собрания от Балтийского флота. 6 (19) января 1918, имея в своем распоряжении более 5 тыс. революционных матросов, сосредоточенных в Петрограде «для охраны общественного порядка» в связи с созывом Учредительного Собрания, Павел Дыбенко принял непосредственное участие в разгоне «Учрединки».

В феврале 1918 г., в период общего наступления германских войск на российско-германском фронте, командовал отрядом моряков под Нарвой. Отряд Дыбенко самовольно оставил Нарву. Отступивший до Гатчины отряд 6 марта 1918 г. был

разоружён. Дыбенко исключили из РКП(б), а 16 марта, на IV съезде Советов, он был лишён всех постов. Вскоре арестован. 25 марта 1918 г. выпущен на поруки с условием нахождения в Москве до суда, но бежал в Самару, откуда возвращён в Москву. В мае 1918 г. отдан под суд и приговорен к расстрелу, однако по ходатайству Коллонтай помилован.

Летом 1918 г. направлен на подпольную работу в Западно-Черноморский регион (в Одессу). В августе 1918 г., находясь в Севастополе, был арестован

крымскими властями и содержался в севастопольской тюрьме, но в октябре был обменен на пленных германских офицеров.

С ноября 1918 г. Дыбенко в Украинской советской армии – командир полка, бригады, группы войск, дивизии. Возглавлял 1-ю Заднепровскую Украинскую советскую дивизию, в которую влились многотысячные отряды известных на Украине партизанских атаманов – Никифора Григорьева и Нестора Махно.

В апреле 1919 г. украинские советские войска под командованием Павла Дыбенко захватили Перекопский перешеек, затем весь Крым (за исключением Керчи). С мая 1919 г. П. Дыбенко – командующий 9-тысячной Крымской советской армией, сформированной из частей 1-й Заднепровской дивизии и местных отрядов, и одновременно нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета провозглашённой Крымской советской республики. В мае-июне 1919 г. командует советскими войсками в Крыму, отступающими под натиском белогвардейцев, с июня по сентябрь 1919 г. – в Северной Таврии; принимает участие в подавлении «григорьевщины» и «махновщины».

В сентябре 1919 г. отозван в Москву, в октябре зачислен слушателем Академии Генерального штаба РККА, однако уже через месяц назначен начальником 37-й стрелковой дивизии. В конце декабря 1919 г., командуя соединениями, отличился при освобождении Царицына. Участник разгрома армии генерала Деникина на Северном Кавказе весной 1920 г. С 3 марта по 11 мая 1920 г. – начдив 1-й Кавказской кавалерийской дивизии.

Летом 1920 г. командовал соединениями в Северной Таврии, сражающимися с Русской армией генерала Врангеля и махновцами. С 28 июня по 17 июля 1920 г. – начдив 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии имени М. Ф. Блинова.

В марте 1921 г., под общим командованием М. Н. Тухачевского, Дыбенко во главе Сводной дивизии был одним из руководителей подавления Кронштадтского восстания. После ликвидации восстания – комендант Кронштадтской крепости.

В апреле 1921 г. участвовал в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

Ленин называл матросов физической силой революции. Павел Дыбенко олицетворял этот образ – беспримерным героизмом, своеволием, самоуправством, стихийностью, бытовым анархизмом. Тем более, что при всех подвигах, он всё глубже погружался в пьянство и разгул. Коллонтай, спасшая его от расстрела, участвовала в

Павел Дыбенко и Нестор Махно: 1918 г.

Павел Дыбенко и Александра Коллонтай

его странствиях по южным фронтам, побывала на его родине – Черниговщине. Это была любовь, романтика и трагические будни гражданской войны.

Активное участие приняла Коллонтай в дискуссии о профсоюзах, это отдалило её от Ленина, а формулировка ею основ марксистского феминизма – от верхушки партии. Почётная ссылка на дипломатическую работу разрешила эту коллизию. Наступление на А. М. Коллонтай началось в 1923 г. Критика велась в развязном пасквильном стиле, с дискредитацией содержания её идей. Было обидно, но она была уже далеко, в том числе от Павла Дыбенко, и с головой погрузилась в новые проблемы, навалившиеся на неё. Кстати, первый советский орден, орден Ленина, она получила в 1933 г. «за успешную работу среди женщин». Это была, пусть запоздавшая, но справедливая награда. Коллонтай запустила процесс формирования советской женщины, на пути которой были Большой террор, Великая война, ленинградская блокада, народная победа в войне, успехи советской науки, отечественная атомная бомба, авиация для всего Союза, первый спутник, полёт Гагарина, голодная жизнь в великой стране, Чернобыльская катастрофа и развал Союза.

Советский посол направляется
на прием

Александра Михайловна, благодаря своей высокой культуре, была готова к дипломатической службе, но потребовалось изменить сам стиль жизни. Всю жизнь она стремилась быть открытой, предельно искренней, иногда даже эпатажной. Здесь же пришлось от такого стиля избавляться, контролировать себя и свои привычки. Оказалось, что это тоже достижимо. Главное же – полная отдача для достижения целей государства, которое ты представляешь, не всегда правильных и праведных, но необходимых в конкретных ситуациях.

Коллонтай быстро усвоила, что такая задача приобретает реальность, если быть диалектиком – и учитывать интересы страны, в которой работаешь, иногда даже вопреки намерениям прямого начальства. Это было трудно, и несколько раз Александра Михайловна прибегала к помощи Сталина, не находя взаимопонимания в своём наркомате. Это были вопросы договоров, в которых не учитывались интересы стран, в которых она работала.

Посольство – это не тихая заводь, это тоже передний край борьбы, подчас напряжённой и беспощадной. В посольстве всегда находишься на виду, под пристальными взорами спецслужб и недоброжелателей, нужно твёрдо проводить свою линию, не поддаваясь слабостям и настроениям.

Повседневная жизнь в чужой стране требует повышенной и перманентной адекватной адаптации. Александра Михайловна, свободно читавшая газеты и книги почти на всех европейских языках, знавшая на память множество стихов и поэм разных народов, умевшая аргументированно формулировать своё мнение, была чистым родником в любой среде и вызывала симпатии как у обывателей, так и у представителей высокого истеблишмента. Она с ходу расположила к себе чопорного шведского короля Георга V, подписавшего в 1914 г. указ о её экстрадиции из Швеции.

В 1922–1926 и 1927–1930 гг. Коллонтай работала советским полпредом и торгпредом в Норвегии и добилась чрезвычайно важного политического признания СССР этой страной. В 1926–1927 гг. некоторое время она работала в Мексике, где также добилась определённых успехов в улучшении советско-мексиканских отношений. В 1927 году Коллонтай снова становится полпредом в Норвегии, совмещая этот пост с исполнением поручений в торговом представительстве в Швеции.

В 1930–1945 гг. Коллонтай – постоянный поверенный и посол в Швеции (кроме того, она входила в состав советской делегации в Лиге Наций). Генеральной задачей, стоявшей перед ней в Скандинавии в межвоенный период и тем более в войну, была

нейтрализация влияния гитлеровской Германии в Скандинавии. Эта задача была архисложная, поскольку и фашистская Германия, и СССР, и европейские страны перманентно изменяли конфигурацию политики, но в целом Коллонтай справилась и с этими проблемами.

Коллонтай полубила Швецию, с уважением относилась к шведским социал-демократам, с 1920 г. возглавлявшим правительство и последовательно проводившим в Швеции социальную политику, воплощая концепцию «народного дома» (*folkhemmet*), выведших страну в число самых демократических и социальноориентированных государств.

Представляет интерес факт выдвижения в 1946 г. группой депутатов норвежского стортинга кандидатуры А. М. Коллонтай (уже после ухода её в отставку и возвращения в СССР) на получение Нобелевской премии мира. Выдвижение поддержали женские организации Швеции и Норвегии, а также видные общественные деятели этих стран. Нобелевский комитет не поддержал эту инициативу, что было вполне ожидаемо. В те годы Европу запугивали агрессией СССР. Но на следующий год выдвижение было вновь подтверждено (правда, с тем же результатом). Такая настойчивость дорогого стоит.

Вообще её профессиональная деятельность как дипломата была результативной, хотя время её работы на этом поприще было исключительно сложным. И проблемы возникали на каждом шагу. Одним из кризисных периодов стала, например, советско-финская война. Швеция, поддерживаемая Великобританией, отправила в Финляндию два батальона добровольцев и стояла на грани открытого вступления в войну против СССР. Коллонтай добилась от шведов смягчения их позиции и посредничества в советско-финских переговорах. В 1944 г. она вновь взяла на себя роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны.

Девизом жизни А. М. Коллонтай следует считать непрерывность деятельности, она была трудоголиком от природы. Она не стала учёным, но её работы читаются и обсуждаются больше века (такой феномен беспрецедентен); её нельзя назвать писателем, но её книги всегда имели и имеют огромную аудиторию.

Феноменальным следует признать финиш её жизни: после двух инсультов она была частично парализована и вернулась из Стокгольма в Москву в инвалидной коляске. Первое, что она сделала, – запросила два чемодана своего архива, изъятых спецслужбами и перевезённых в Москву, и засела за мемуары. Не всё она успела сделать, хотя её книги выходили годами после её смерти, но многое упорядочила, и уже в нынешнем веке мы смогли прочесть её дипломатические дневники [4].

Александра Михайловна после многих лет напряжённой посольской службы, скорее всего, забыла о своей революционной молодости. Между тем в Европе назревала «студенческая революция» 1968 г., которая принесла «новые ветры» в политическую и духовную реальность.

Философ Франкфуртской школы, идеолог «новых левых» Герберт Маркузе в лекции «Марксизм и феминизм» в Стенфордском университете 7 марта 1974 г. говорил о феминизме высокие слова: «Феминизм – это бунт против разлагающегося капитализма, против отживающего капиталистического способа производства. Феминизм – жёто шаткая связь между утопией и реальностью: социальная почва

В посольстве в Стокгольме

За ежедневным трудом

движения как потенциально радикальной и революционной силы; сердцевина мечты... Феминистское движение в этой борьбе играет всё более важную роль».

Я полагаю, что эти слова оживили бы память Коллонтай и вошли в её душу. В истории мысли, как и в природе, всё быстро стареет, увядает, как листья, становится идейным перегноем, и нужны специальные усилия, чтобы разглядеть структуру этого перегноя.

Выводы. Современный феминизм – эффективное средство преобразования общества под знаменем свободы. Реальная демократия, механизмы гражданского общества испытали мощное воздействие феминизма. Марксистский феминизм, существенно трансформировавшись, вошёл в современный фундамент гуманитаристики как радикальная форма феминизма.

REFERENCES

1. *Zdravomy'slova, E. A., Tomkina, A. A.* (2015). 12 lekcziy po gendernoj socziologii: uchebnoe posobie [12 lectures on gender sociology: a textbook]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 768 s. (in Russian).
2. *Ajvazova, S. G.* (1998). Russkie zhenshhiny` v labirinte ravnopraviya [Russian women in the labyrinth of equality]. Ocherki politicheskoy teorii i istorii. Moskva: RIK Rusanova, 408 s. (in Russian).
3. *Kollontaj, A. M.* (2003). Avtobiografiya seksual'no e`mansipirovannoj kommunistki [Autobiography of a Sexually Emancipated Communist]. Marksistskij feminizm: Kollekcziya tekstov Aleksandry` Kollontaj. Tver`, 298 s. (in Russian).
4. *Kollontaj, A. M.* (2001). Diplomaticcheskie dnevniki: 1922–1940 gg. [Diplomatic Diaries: 1922–1940]. Moskva: Academia, tom. 1, 528 s., tom. 2, 543 s. (in Russian).
5. *Kollontaj, A. M.* (1923). Sem`ya i kommunisticheskoe gosudarstvo Moskva, 1918.; Dorogu kry`latomu E`rosu! (Pis`mo k trudyashhejsya molodezhi) [Family and the communist state, Moskva, 1918; Make way for winged Eros! (Letter to the working youth)]. *Molodaya gvardiya*, 1923, № 3, s. 111–124; Polozhenie zhenshhiny` v e`volyuczii khozyajstva: Lekcii. chitanny`e v Un-te im. Ya. M. Sverdlova / A. Kollontaj. Moskva: GIZ, 1923, 208 s. (in Russian).
6. *Koroleva, T. A.* (2010). Feminizm kak idejno-politicheskij fenomen [Feminism as an ideological and political phenomenon]. *Izv. RGPI im. A. I. Gerczena. Socziologiya. Politologiya*, s. 312–319 (in Russian).
7. *Uspenskaya, V. I.* (2003). Radikal'ny`j proekt zhenskoj e`mansipaczii Aleksandry` Kollontaj [The radical project of female emancipation by Alexandra Kollontai]. Aleksandra Kollontaj: teoriya zhenskoj e`mansipaczii v kontekste rossijskoj gendernoj politiki. Tver`, s. 26 (in Russian).
8. *Khartmann, Kh.* (2016). Neschastlivy`j brak marksizma s feminizmom: put` k bolee progressivnomu soyuzu [The unhappy marriage of Marxism with feminism: the path to a more progressive union]. Moskva: Svobmarksizd. Gendernaya seriya, 76 s. (in Russian).
9. *Yukina, I. I.* (2014). Na puti k marksistskomu feminizmu. Deyatel`nost` Aleksandry Kollontaj [Towards Marxist Feminism. Activities of Alexandra Kollontai]. *Socziologiya nauki i tekhnologij*, tom 5, № 2, S. 82–92 (in Russian).
10. *Barrett, M.* (1987). Marxist Feminism and the Work of Karl Marx / A. Phillips (ed.), p. 43.
11. *Beauvoir, S. de.* (1974). Alt Said and Done. London: Andre Deutsch and Weidenfeld and Nicolson, p. 3.
12. *Elshtain, J.* (1981). Public Man, Private Woman. Oxford: Martin Robertson, p. 29.
13. *Oakley, A.* (1972). Sex, Gender and Society. London: Maurice Temple Smith, p. 24.
14. *Offen, K.* (1994). Feminism. Encyclopedia of Social History / Ed. by Peter N. Stears. NY., p. 32.
15. *Zhigaleva, Y. E.* (2017). Seksual`noe nasilie v uslovijah konflikta: problema viktimizaczii zhenshhin [Sexual violence in conflict settings: problem of women's victimization]. *Juridicheskie nauki i politologija*, № 4, p. 32–44.

Received 27.01.2021

Accepted 02.03.2021